

ББК 87.3(0)

УДК 1(091)

С. А. Шукишин

К вопросу об актуальности проблемы историчности

S. A. Shukshin

To the Question of Relevance of Historicity Problem

В данной статье выявляется актуальность проблемы историчности в философском дискурсе. Для этого проблема историчности рассматривается в историко-философском контексте. Выделяется историчность как объективация мирового духа во времени Г. Гегеля, историчность как способ существования человека В. Дильтея, М. Хайдеггера. Э. Гуссерль и К. Ясперс усматривают в историчности не только способ существования человека, но и другие смыслы. Э. Гуссерль, как и К. Ясперс, полагает, что историчность есть осмысление явлений через науку, философию. Высший уровень историчности связывается Э. Гуссерлем с историчностью как однозначностью, которая придает смысл истории. По К. Ясперсу, предельная степень историчности воплощается в способе существования бытия. Ж. Деррида считает, что историчность — это не однозначность, а доступ к инвариантному осмыслению истории-текста. Выявленные подходы позволяют сформулировать новизну рассматриваемой проблемы. Дальнейшее исследование проблемы историчности способствует более детальному осмыслению концепций философии истории. Обобщение полученных материалов позволит также выявить подлинный смысл историчности и ее истоки.

Ключевые слова: философия истории, историчность, Г. Гегель, В. Дильтей, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж. Деррида, человек, бытие.

DOI 10.14258/izvasu(2014)2.1-42

Актуальность проблемы историчности, на наш взгляд, обусловлена тем, что, во-первых, в литературе понятия «историчность», «историзм», «историческое» нередко употребляются как синонимичные, что едва ли оправдано. Во-вторых, сам вопрос о том, что есть историчность, представляется весьма дискуссионным. Цель данной статьи как раз и состоит в выявлении полемичности этого вопроса. Следуя заданной установке, рассмотрим проблему историчности в историко-философском контексте.

Впервые термин «историчность» был употреблен Г. Гегелем в «Лекциях по истории философии». Во «Введении в греческую философию» он пишет о греках: «...Они находятся у самих себя

The article discusses the relevance of historicity problem in the philosophical discourse. For that purpose the problem of historicity is considered in the historical-philosophical context. Historicity is regarded as objectivation of world spirit in time by G. Hegel, as the way of human existence by W. Dilthey and M. Heidegger. E. Husserl and K. Jaspers see historicity not only as the way of human existence but also in some other meanings. E. Husserl as like as K. Jaspers regard historicity as understanding of phenomena through science and philosophy. E. Husserl associates the highest level of historicity with univocacy that gives sense to history. According to K. Jaspers, the limit of historicity crystallizes in the mode of existence. J. Derrida thinks that historicity is not univocacy but the access to the invariant understanding of history-text. The revealed approaches allow formulating the novelty of the regarded problem. The further research contributes to the more detailed understanding of the concept of historical philosophy. The compilation of findings allows educing the true meaning of historicity and its origins.

Key words: philosophy of History, historicity, G. Hegel, W. Dilthey, E. Husserl, M. Heidegger, K. Jaspers, J. Derrida, human, existence.

со стороны своего физического, гражданского, правового, нравственного, политического существования, в этом характере свободной, прекрасной историчности, заключающейся в том, что то, чем они являются, имеется у них также в качестве Мнемозины, — в этом содержится также зародыш мыслительной свободы и, таким образом, необходимость возникновения у них философии» [1, с. 187]. Г. Гегель не предлагает определения неологизма и употребляет его как нечто само собой разумеющееся. В остальном тексте «Лекций» рассматриваемое понятие не используется им. Оно не встречается и в других трудах немецкого философа. Какой же смысл был им вложен в этот термин?

Историю Г. Гегель понимал как «процесс развития и действительное становление духа» [2, с. 455]. История — это не царство временного, относительного и случайного. Она является одной из объективаций мирового духа. Поэтому в ее объеме присутствуют предельные величины, такие как свобода, разум, историчность. Совершенно справедливо отмечают Ю.В. Перов и К.А. Сергеев в работе «Философия истории Гегеля: от субстанции к историчности»: «...Гегель не может ограничиться только логической (систематической, диалектической) конструкцией философии духа, и выстраивает философию его истории во времени» [2, с. 16]. Значит, смысл суждения Г. Гегеля относительно историчности греков заключается в том, что мировой дух объективировался в греческой культуре. Историчность есть состояние объективации мирового духа, его степень присутствия в истории. Историчность указывает на абстрактное начало в истории. Этимологическое значение историчности (*Geschichtlichkeit*) совпадает с гегелевским пониманием этого термина. *Zeit*, входящее в его состав, указывает на метафизический осадок в историческом (*geschichtlich*). Эта немецкая частица как бы добавляет абстрактный уровень в конкретное (*Sachlichkeit* — вещественность, *Menschlichkeit* — человечность).

В. Дильтей в «Введении в науки о духе» употребляет историчность в контексте «внутренней жизненности» человеческого духа [3, с. 565]. Она выступает проявителем человеческих переживаний, в которых фиксируются исторические объективации. По В. Дильтею, объективно все то, что связано с жизнью. В труде «Построение исторического мира в науках о духе» он пишет: «От размещения деревьев в парке, расположения домов на улице, предназначенного для определенной цели орудия ремесленника и вплоть до приговора в здании суда нас постоянно окружает исторически ставшее... История не является чем-то отделенным от жизни, отгороженным от настоящего древностью своего происхождения» [4, с. 192]. Жизнь исторична. Жизнь человека осуществляется только в истории. Его жизненный опыт имеет исторический характер. Также во «Введении в науки о духе» В. Дильтей критикует И. Канта за «неисторичность» его мысли [3, с. 684], подразумевая под этим абстрактные построения классика немецкой философии, которые не имеют связи с жизненным опытом человека. Понимание историчности как субъективности продолжается В. Дильтеем и в его переписке с графом П. Йорком фон Вартенбургом. В. Дильтей вкладывает в историчность совсем иные смыслы по сравнению с Г. Гегелем. Для последнего историчность не соотносится с субъективными состояниями человека. Она, наоборот, характеризует состояние объективности, а неисторичность есть отсутствие объективного начала. К примеру, Г. Гегель считал, что во всемирной истории должны присутствовать лишь те наро-

ды, которые создали государство, являющееся «осуществлением свободы, т. е. абсолютно конечной цели» [2, с. 90]. Такие народы историчны, а все остальные — внеисторичны, они истории не принадлежат. В. Дильтей же приходит к пониманию историчности как ключевой стороне жизни человека. Человек суть существо историческое, историчность — его способ существования.

Историчность выступает одним из ключевых терминов в философской системе М. Хайдеггера. В «Бытии и времени» он пишет: «Бытие присутствия характеризуется историчностью» [5, с. 197]. Иными словами, М. Хайдеггер утверждает, что одним из модусов человеческой экзистенции является историчность. Он полагает, что обладание человеком историей есть способ существования человеческого бытия. Историчность человека — это не его завершённое прошлое, это его движение в настоящем. Человек существует исторически, так как он конструирует свои отношения с историческими условиями. «Анализ историчности присутствия, — по мысли М. Хайдеггера, — пытается показать, что это сущее не потому „временно“, что „выступает в истории“, но что оно, наоборот, экзистировать и способно экзистировать лишь потому, что в основании своего бытия оно временно» [5, с. 376]. Таким образом, историчность у М. Хайдеггера соотнесена с временностью. Если историчность является качественной характеристикой человеческого существования, то временность выступает скорее количественной. Временность предлагает «время» для осуществления человеком своего проекта. М. Хайдеггер пишет: «Временность времени, а именно давая время возможным способам самой себя» [5, с. 328]. Значит, вместе с тем «время» временности есть возможность проявления историчности человека, трансцендирование за ее пределы и возвращение к ней же: «Лишь собственная временность, которая вместе с тем конечна, делает возможным нечто подобное судьбе, т. е. собственную историчность» [5, с. 385]. Понимание историчности есть самопонимание, достижение бытием-вот своей бытийственности. Через единичное (*Dasein*) приоткрывается Единое (*Sein*).

С очередной трактовкой историчности мы сталкиваемся в работе К. Ясперса «Истоки истории и ее цель». К проблеме историчности философ приходит, как и Г. Гегель, через осмысление оппозиции «историческое — неисторическое». Он считает, что народы, которые не восприняли идей «осевого времени», остались «за бортом» исторического развития; они — неисторичны. К. Ясперс употребляет историчность в нескольких значениях. Во-первых, он выводит историчность из человека. По К. Ясперсу, человек есть незавершённое существо. Такое существо обладает потенцией к своему становлению, развитию до подлинного существования. Так вот, К. Ясперс по-

лагал, что «незавершенность человека и его историчность — одно и то же» [6, с. 241]. Историчность — способ существования человека, несовершенная природа которого устремлена к единению с самим собой и с Абсолютом. Во-вторых, К. Ясперс считает, что историчность является и одной из познавательных способностей человека. Он пишет: «Историчность — это преобразование явления в сознательно проведенных смысловых связях» [6, с. 241]. И наконец, в-третьих, историчность объявляется К. Ясперсом способом существования бытия вообще. Бытие может быть разомкнуто человеком только через историчность. Единичная историчность должна соотносить себя с единой историчностью. «...Подлинная любовь расширяется и усиливается благодаря самой себе, — пишет К. Ясперс, — распространяется на все исторически существующее, становится любовью к самому бытию в его истоках. Так, преисполненному любовью созерцанию открывается историчность бытия» [6, с. 249]. Система философа наполнена интенциями христианского толка.

Важной вехой в развитии представлений об историчности является «Введение» Ж. Дерриды к работе «Начало геометрии» Э. Гуссерля. В данном труде разъясняется как позиция Э. Гуссерля относительно историчности, так и позиция самого автора. Он отмечает, что, по Э. Гуссерлю, историчность обладает тремя уровнями. На первом уровне историчность можно определить как сущность всякого человеческого существования, которая обнаруживает себя в ментальном пространстве культуры и традиции. Следующий уровень историчности соотносится Э. Гуссерлем с уровнем европейской культуры, теоретического проекта и философии. На этом уровне происходит определенное осмысление и теоретизация материала первого уровня. Человек пытается помыслить историчность посредством науки и философии, пренебрегая зачастую опытом «жизненного мира». На третьем уровне происходит «обращение философии в феноменологию» [7, с. 152]. Становление историчности происходит так, что каждый последующий уровень обладает наибольшей степенью абстракции по сравнению с предыдущим. Немецкий философ считает, что феноменология есть первая философия. Осуществляя феноменологическую редукцию, человек способен достичь феноменального, т. е. первоочевидной сущности. Поэтому наивысшая форма историчности — это историчность как феномен, которая является, по мысли Э. Гуссерля, возможностью осуществления самой истории [7, с. 191]. Сущность истории заключена в историчности.

Ж. Деррида определяет историчность не через историю. «Начало историчности никогда не будет зависеть от какой бы то ни было истории», — отмечает французский философ [7, с. 177]. Историчность — это не способ существования исторического, а пре-

ломление данного материала через человеческие «фильтры». Историческое обретает историчность тогда, когда наполняется привнесенными смыслами. Он пишет: «В своей максимальной глубине, то есть в чистом движении феноменологической темпорализации, интенциональность как выход из себя в себе Абсолюта Живого Настоящего есть корень историчности. А если так, то нам не нужно задаваться вопросом, каков смысл историчности. Во всех значениях этого слова, историчность есть смысл» [7, с. 204]. Этот «смысл» способна обнаружить лишь феноменология. «Ибо только она может выявить бесконечную историчность, — заключает Ж. Деррида, — то есть бесконечный дискурс и диалектичность как чистую возможность и самую сущность являющего себя Бытия» [7, с. 207]. Историчность позволяет обнаружить в истории как совокупности рукописных текстов все новые и новые смыслы, все новые и новые прецеденты для осмысления исторически ставшего. Историчность — это доступ к инвариантному прочтению истории.

Таким образом, философы, рефлексирющие над историчностью, предлагают оригинальные концепции ее осмысления. Мы выделили историчность как способ объективации мирового духа во времени Г. Гегеля. В. Дильтей полагает, что историчность есть способ существования человека. К аналогичному выводу приходят и М. Хайдеггер, и Э. Гуссерль, и К. Ясперс. Однако последние обнаруживают в историчности и другие уровни. Э. Гуссерль, как и К. Ясперс, считает, что историчность является смыслополаганием, осмыслением явлений посредством науки и философии. Так же Э. Гуссерль учит об историчности как феномене, который придает однозначность истории, то есть смысл истории обнаруживается историчностью. Вывод Э. Гуссерля относительно наивысшей формы историчности схож с выводом К. Ясперса, который считает, что историчность есть способ существования бытия вообще. Ж. Деррида, подобно Э. Гуссерлю и К. Ясперсу, видит в историчности смыслополагание. Но если Э. Гуссерль приходит к историчности как однозначности, а К. Ясперс выводит ее мета-основание, то французский философ понимает историчность как доступ к вариативному осмыслению истории, отвергая всякие попытки обнаружения ее однозначности и абсолютной сущности.

Очевидно, что проблема историчности нуждается в скрупулезном исследовании, возможном благодаря тщательному анализу первоисточников и критической литературы. Но даже наш краткий анализ выявил актуальность затронутой проблематики. Прояснение проблемы историчности, на наш взгляд, позволит не только переоценить вклад оригинальных мыслителей в философию истории, но и скорректировать понимание самой истории.

Библиографический список

1. Гегель Г.В. Ф. Лекции по истории философии. — СПб., 1993.
2. Гегель Г.В. Ф. Лекции по философии истории. — СПб., 1993.
3. Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2 : Введение в науки о духе / под общ. ред. А. В. Михайлова. — М., 2000.
4. Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3 : Построение исторического мира в науках о духе / под общ. ред. А. В. Михайлова. — М., 2004.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. — М., 1997.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.
7. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Ж. Деррида. — М., 1996.